

ОТЛИВКА КОЛОКОЛА КУЛЬТУРЫ (Вячеслав Иванов и Фридрих Ницше о сущности европейской культуры)

Ю.В. СИНЕОКАЯ

Культура возникла как колокол,
в оболочке из более грубого и низменного материала:
неправда, насильственность,
безграничное расширение всех отдельных Я,
всех отдельных
народов было этой оболочкой.
Настало ли время теперь снять ее?

Фридрих Ницше

Дихотомия культуры как основная проблема русского религиозного ренессанса рубежа XIX – XX веков

Русская мысль на заре XX в. пыталась разрешить дилемму между необходимостью оправдания иерархичности культуры, сложности, утонченности ее форм и смыслов, и пониманием культуры как жизни, стихии. Очевидна близость этой антиномии к оппозиции аполлонийского и дионисийского начал в эллинизме, известной из диссертационного сочинения Ницше «Рождение трагедии из духа музыки». Главной задачей религиозного ренессанса было преодоление отчуждения культуры от жизни. «Новое религиозное сознание», по замыслу его творцов, должно было, с одной стороны, соединить культуру и религию, вернуть культуре прежнее религиозное значение, а с другой, вернуть религии значение культурное. Утилитарная мораль народничества противоречила стремлениям богоискателей, признававшим главными достоинствами человека религиозный поиск и творчество. Чуждой для многих деятелей русского ренессанса оказалась и ортодоксально-церковная этика христианства, исключавшая иную цель человеческой жизни кроме искупления греха.

Новую мораль, оправдывавшую творчество и культуру, деятели русского религиозного ренессанса открыли в проповеди Заратустры. «Но шутки в сторону, — восклицает Ницше, — до меня никто не знал, где она, верная дорога, дорога, ведущая вверх, лишь со мной культура вновь обретает надежды, цели, правильные пути, я несу ей благовест...»¹ В философии Ницше российские интеллектуалы увидели высший религиозный гуманизм, для которого основной ценностью является человек, способный творческим порывом сравняться с божеством. «Заратустра проповедует творчество, а не счастье, — писал Николай Бердяев в «Смысле творчества», — ...он зовет к подъему на горы, а не к блаженству на равнине... Ницше проклял добрых и справедливых за то, что они ненавидят творящих. Муку Ницше мы должны разделить, она насквозь религиозна»². Сверхчеловек Ницше

в таком контексте воспринимался не как имморалист, разрушитель культуры и веры, а, напротив, как хранитель аристократических ценностей духа, идеалов, доступных личности, индивиду, но не обществу, классу или роду.

Философия культуры Фридриха Ницше

В ранних произведениях Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», «Несвоевременные размышления» и, отчасти, в «Веселой науке», главным предметом исследования была культура. Целью Ницше было определить, какой тип культуры наилучшим образом содействует появлению «философов, художников, святых».

Изучая историю античной драмы, философ пришел к убеждению, что исток аттической трагедии, более того, начало искусства вообще, следует искать в дуализме воли и представления, природы и человека, выступающих в его сочинениях под именами греческих богов Диониса и Аполлона³. «Поступательное развитие искусства неразрывно связано с двойственностью аполлинийского и дионисийского, подобно тому, как продолжение рода зависит от двойственности полов...»⁴ Для Ницше Дионис (принцип взрывной неуправляемой силы творения) и Аполлон (гармонизирующее начало), выступали основаниями всего здания эллинской культуры.

Бога сновидений, иллюзии, прорицаний и пластических искусств Аполлона Ницше называет принципом индивидуализации и кажимости. Аполлон предстал перед умственным взором Ницше как начало, символизирующее чувство меры, самоограничение, покой и гармонию. Таинственной же сущностью дионисийского принципа виделась Ницше хаотическая первооснова мира, в которой субъективность исчезает до полного самозабвения.

Единственным героем классической древнегреческой трагедии Эсхила и Софокла был Дионис, воплощенный в аполлинийской форме. Все же другие знаменитые персонажи греческой сцены представляли собой лишь его маски. Драматический поэт Еврипид попытался выстроить трагедию заново на основе не дионисийского, а аполлинийского мирозерцания. И хотя его план не осуществился, аттическая трагедия пала жертвой неразрешимого конфликта. Сознание эллина раскололось на две части: разумную, которая стала восприниматься как истинная, и стихийную. Не проясненные разумом чувства и аффекты стали пониматься как обман. Однако Ницше винит в закате древнегреческой драмы не Еврипида, а Сократа: «Еврипид в известном смысле был всего лишь личиной: глаголившее же божество не было Дионисом, но не было и Аполлоном, то был новорожденный демон по прозванию Сократ. Вот новое противопоставление: дионисийское и сократовское, и художественное творение, греческая трагедия потерпела от него сокрушительное поражение»⁵. Перефразируя

известное сократовское изречение «лишь ведающий добродетелен», Ницше сформулировал высший закон эстетического сократизма, убившего аттическую трагедию: «Все должно быть рассудочным, чтобы быть прекрасным»⁶. С момента поражения дионисийского пессимизма сократовским оптимизмом, движимым логикой, философия и мораль заняли место искусства.

Влияние идей Ницше на философию культуры Вячеслава Иванова

С идеями Ницше Вячеслав Иванов познакомился в 1891 г., учась в Германии, когда сочинения мятежного философа еще только начинали завоевывать умы современников концепциями сверхчеловека и воли к власти. Но не эти темы сыграли решающую роль в обращении Иванова к текстам Ницше. Иванова и Ницше связывали глубокая укорененность в античной традиции, стремление к мистическому постижению окружающей действительности, к преодолению рассудочности и непосредственному восприятию мира как единства жизни и поэзии.

Размышления Ницше об истоках и тенденциях европейской культуры оказались наиболее плодотворными для философской концепции Вячеслава Иванова. Если Ницше в «Рождении трагедии» раскрыл тайны Диониса, то Иванов пошел дальше, провозгласив «братский союз» Диониса и Аполлона не только началом античной трагедии, но и истоком европейской культуры. «Концепция Ницше объяснила смысл одного события всемирной истории, Иванов же вывел всю европейскую духовность из развертывания во времени одномоментного события рождения греческой трагедии», — писал Андрей Белый⁷.

На страницах сочинений Вячеслава Иванова божественные сущности аполлинийско-дионисийского гения предстали как «центростремительное» и «центробежное» начала в стихии жизни и в культуре. Биограф Вячеслава Иванова Ольга Дешарт так описывала «встречу» Иванова с идеями Ницше: «Что аполлинийская “вечная сонная греза” есть предпосылка всех изобразительных искусств, что Аполлон является “чудесным божественным носителем принципа индивидуализации”, — это Вячеслав Иванов знал и прежде, но автор “Рождения трагедии” открыл ему Диониса как вневременное начало духа, как стихию музыки и священного безумия, как силу, разрешающую от уз индивидуации. Вячеслав Иванов начинает, наряду с римской историей, заниматься эллинской религией, олимпийскими богами, эзотерическими культами и мифами. Аполлона и Диониса он узнал как свои две души»⁸.

Центральным в философии Иванова стал образ Диониса, воспринятого не только как первопринцип творческой энергии, объединяющий культуру и человека, но и как живое религиозное начало

«бог страдающий и ликующий»⁹. Научные изыскания, позволившие увидеть факты глубокой древности в том, что прежде считалось мистически окрашенным философским умозрением, привели Вячеслава Иванова к неожиданному выводу, еще больше укрепившему его интерес к творчеству Ницше: «С большой исторической вероятностью можно утверждать, что изначальный Фракийский культ Диониса, лишь мало-помалу распространившийся среди эллинов... был исконным почитанием балканских славян»¹⁰. Соединив академические исследования дионисийского культа и личный религиозный опыт, Иванов взялся за разработку собственного христианского мифа.

Дионисийско-христианская мифологема Вячеслава Иванова

Первой публикацией, в которой Иванов изложил свои дионисийско-христианские религиозные воззрения, было сочинение «Эллинская религия страдающего бога», опубликованное в 1904 г. в религиозно-литературном журнале «Новый Путь». Работа была основана на лекциях о Дионисе, которые Иванов читал в 1903 г. в парижской Высшей школе общественных наук, устроенной для русских. Иванов принципиально не отождествлял Диониса и Христа. Христос для него живой, личный Бог, распятый и воскресший, а Дионис, прежде всего, психологическое состояние. В «Эллинской религии» Иванов рассматривал культ Диониса как предхристианский. Христос и его мифологический предшественник Дионис олицетворяли, с одной стороны, жизненную силу, переизбыток и созидательную энергию, а с другой, смерть и энергию разрушения. Опыт осмысления взаимосвязи между Христом и Дионисом привел Иванова к формированию христианско-дионисийского взгляда на мир. Жизнь и творчество поэта трансформировались в ритуал мистерии духовно-психического обновления, план имманентного преображения личного бытия.

Весной 1905 г. дом Вячеслава Иванова в Петербурге оказался центром литературной жизни русского символизма. Знаменитые ивановские литературные среды значительно способствовали распространению идей Ницше и развитию мистического христианско-дионисийско-ницшеанского культа. На «среды» приходили писатели и поэты, группировавшиеся вокруг «ницшеанских» журналов «Мир искусства», «Новый путь», «Весь». Во многом благодаря Вячеславу Иванову в прессе Москвы и Петербурга на заре прошлого века появилось и часто мелькало имя Диониса¹¹. Казалось, что деятели Серебряного века были едины во мнении, что жизнь природы и человеческая жизнь глубоко дионистичны.

Кризис нравственных императивов на рубеже XIX – XX вв. способствовал резкому усилению мистических исканий, в которых Вячеслав Иванов разглядел «свободное самоутверждение сверхличной воли в индивидууме»¹². Именно учение Ницше о Дионисе, получившее у

Иванова название «мистический сверхиндивидуализм», стало для русского философа знамением рождения нового органического культурного синтеза в духовной атмосфере эпохи, мостом от индивидуализма к принципу вселенской соборности: «Индивидуализм, в своей современной, невольной и несознательной метаморфозе, усваивает черты соборности: знак, что в лаборатории жизни вырабатывается некоторый синтез личного начала и начала соборного»¹³. Сам же Ницше был воспринят Ивановым как предтеча, провозвестник и «первый двигатель» становящейся соборной средиземноморской религиозной культуры будущего. Дополнив размышления Ницше о параллелях между христианством и античными мистериями учением Соловьева о Богочеловечестве, Иванов создал новый религиозный миф, поместив на место соловьевской Софии образ Диониса как религиозной метафоры свободы творчества.

Сочинения немецкого мыслителя, прочитанные в контексте личной трагедии Ницше, привели Иванова к выводу о тяготении философа от дионисийской стихии к аполлоновской просветленности, логическим продолжением которой стала концепция сверхчеловека. В учении о сверхчеловеке, преподанном устами «дионисийского» Заратустры, Иванов почувствовал роковую двойственность отношения Ницше к Дионису. Известно, что дионисовская вера была в греческом мире религией демократической, а именно демократизм христианства стал основным объектом критики Ницше. Двойственность эта созрела до кризиса в момент поворота к антидионисийскому полюсу, к аристократическому идеалу сверхчеловека и взаимосвязанной с ним концепции «воли к власти». Иванов был убежден, что ничто не могло быть более антогонистичным дионисийскому духу, нежели выведение порыва к сверхчеловеческому из воли к могуществу: «Дионисийское состояние безвольно: человеческая воля, по Ницше, должна стать неистомным подвигом преодоления»¹⁴.

Сама концепция сверхчеловека получила у российского мыслителя принципиально иное прочтение, нежели это было принято в западной литературе того времени: «Заратустра! Не в ницшеанском ли пророчествовании о Сверхчеловеке индивидуализм достиг своих заоблачных вершин и облека в иератическое одеяние как бы религиозной безусловности?»¹⁵ Этот неожиданный вопрос, казалось бы, немислимый для философа-платоника, каковым по праву считается Вячеслав Иванов, получил на страницах его сочинений положительный, четкий с логической точки зрения и органично вплетенный в канву не только философско-мистической системы, но и политологических построений русского мыслителя, ответ: «Индивидуализм “убил старого бога” и обожествил Сверхчеловека. Сверхчеловек убил индивидуализм... Индивидуализм предполагает самодовлеющую полноту человеческой личности, а мы возлюбили Сверхчело-

века. Мессианисты религиозные, мессианисты-общественники, мессионисты-богоборцы уже все мы равно живем хорovým духом и соборным упованием»¹⁶. Übermensch'a Ницше Иванов интерпретировал как принципиально неиндивидуальное начало, имеющее вселенский, даже религиозный смысл: «Сверхчеловек Атлант, подпирающий небо, несущий на своих плечах тяготу мира. Еще не пришел он, а все мы уже давно понесли в духе тяготу мира и потеряли вкус к частному. Мы стали звездочетами вечности, а индивидуум живет свой век, не заглядывая вперед, не перенося своего центра тяжести вовне себя»¹⁷. В сверхчеловеке Вячеслав Иванов приветствовал соборную личность, близкую идеальному типу древнегреческого бога Диониса, ставшего для мыслителя прообразом соборной архаической общины. В противоположность Владимиру Соловьеву, Иванов видел в сверхчеловеке Ницше предшественника Христа, а в отличие от Ницше не противопоставлял Диониса Христу, полагая, что христианство, сменив умирающее язычество, вобрало в себя его мудрость. По мысли Иванова, именно Ницше в тоне и стиле мессианизма приблизил образ сверхчеловека к божественному образу Христа. Дионис же «бог страдающий и растерзываемый», каким, по мнению Вячеслава Иванова, он и предстал, в сознании древних греков, был понят русским мыслителем как древнеэллиническое воплощение ипостаси Сына.

Максимально сближая христианство и эллиническое язычество, Иванов видел роковую ошибку Ницше в том, что тот не разглядел страдающего бога в героическом боге трагедии Дионисе. Ницше постиг Диониса и отшатнулся от него. Он не уверовал в бога, которого сам открыл миру, представив дионисийское начало не как религиозную сущность, а как эстетический феномен. В противоположность Ницше Иванов считал, что религия Диониса давала своим последователям «метафизическое утешение» посредством веры в реальность потустороннего мира, а не только автаркию от любования ею как эстетическим феноменом. Подтверждение своему тезису Иванов находил в метаморфозах философских воззрений и судьбе гения немецкой культуры: «Только в пору своего уже наступившего душевного омрачения Ницше прозревает в Дионисе бога страдающего, как бы бессознательно и вместе с тем пророчественно, во всяком случае, вне и вопреки своего законченного и проповеданного учения. В одном письме он называет себя “распятым Дионисом”. Это запоздалое признание родства между дионисийством и так ожесточенно отвергаемым дотоле христианством потрясает душу»¹⁸. Религия Диониса — религия мистическая, а значит, делал вывод Иванов, в ней самой уже содержится обожествление человека. Возвестив в тоне и стиле мессианизма пришествие сверхчеловека, Ницше тем самым невольно приблизил образ сверхчеловека к божественному образу Христа. В дионисийском исступлении Иванов видел человекообожествление, а в одержимом богом — сверхчеловека.

Критика классической парадигмы культуры у Иванова и Ницше

Ницше характеризовал свое время как эру нигилизма, в которую классические ценности европейской культуры утратили свой смысл, исчерпав возможности развития европейской духовной традиции. Религия, мораль, философия, наука, ориентированные на сохранение или частичное обновление, в духе времени прежних идеалов, стали формами самоотчуждения человека. Ни одно из достижений мировой культуры не понадобится человеку в роковые минуты жизни, не о них он вспомнит в свой смертный час. На исходе XIX столетия Ницше предупреждал, что скоро вслед за катастрофой европейской духовности последуют кровавые катаклизмы социальных взрывов, войн и революций. Свой бунт против культуры Ницше объяснял разочарованием в спасительности современной культуры, ломкой связи культурной традиции с современностью: «Наша современная культура не идет дальше некоторого знания о культуре, это мысль о культуре, чувство культуры, она не претворяется в культуру-решимость»¹⁹.

Вячеслав Иванов защищал культурную преемственность перед лицом кризиса, выразившегося в хаосе войн и революций. Он стремился показать, что чувство отягощенности духовным наследием — результат переживания культуры «не как живой сокровищницы даров, но как системы тончайших принуждений»²⁰. Иванов уверял, что не бывает свободы первозданной, она может быть лишь приобретенной. Независимость индивидуального духа недостижима, поскольку он сам — порождение культуры и вне культуры смысла не имеет. «Избавиться» от культуры означало бы получить не свободу духа, а его отсутствие.

Оправдывая историю и культуру, Иванов принимал не эмпирическую данность, а символы откровения, когда-то вложенный в них смысл. Изоляционизм индивидуальности означал для Иванова тупик, потерю чувства реальности. Иванов был убежден, что невозможно избавиться от исторической ноши с помощью бунта против идеалов и ценностей, отказом от «сыновнего почтения» к истории и культуре. Главное призвание личности, по Иванову, заключено в решении основной задачи всех творческих усилий людей — «освящать тление земное вышними ценностями небесными». Культура, понимаемая им как «акт откровения Слова в истории»²¹, является выражением религиозной идеи, составляющей смысловое ядро культуры и служащей ее оправданием.

Ключ к пониманию современности хранится, по твердому убеждению Ницше, в античной Греции. Задолго до того, как Ницше сформулировал свое знаменитое учение о воле к власти, он обратил внимание на то, что движущей силой культуры эллинов было состязание, желание превзойти. Некоторые этические понятия, например

«вражда», понимались в греческой древности иначе, чем в современном мире. В эпоху Античности существовало два понимания вражды: как чувства, ведущего людей к войнам и взаимному уничтожению, и как переживания, побуждающего человека к соревнованию.

Первоначальный смысл остракизма у древних греков заключался в поддержании ситуации, при которой никто в полисе не был бы наилучшим, поскольку появление абсолютного лидера ставит под угрозу исчезновения дух состязательности, в котором заключено жизненное основание эллинского государства, а, следовательно, угрожает и благополучию горожан. В естественном порядке вещей всегда должно быть несколько лучших, которые побуждают друг друга к деятельности и вместе с тем удерживают друг друга в границах меры. Предохранительные действия против опасности единовластия составляли, по Ницше, сущность эллинского представления о соревновании. В противоположность сложившейся в Европе к исходу XIX в. системе воспитания, порицающей развитие честолюбия, культивировавшегося как стиль жизни древнегреческой аристократией, эллинская педагогика учила, что каждая способность должна оттачиваться в состязании и борьбе. Целью такого воспитания для древних было благо родного полиса, которое и разжигало, и обуздывало самолюбие людей. Перефразируя известное изречение Гераклита: «война есть отец всех вещей», Ницше считал борьбу постоянной пищей души.

Если бы вдруг соревнование исчезло из греческой жизни, полагал Ницше, то остался бы лишь хаос ненависти и жажды уничтожения. Так и случилось после победы «истинного мира» Платона, полностью преодолевшего в себе состязательный инстинкт. Созданный Платоном мир идей — это мир личности, уверенной в мощи и непобедимости своего разумного начала. Развитие идеи истинного мира вело к его христианизации и к постепенному исчезновению из него философа-мудреца как носителя истины. Мерой бытия и значимости всего сущего стал Бог, возвышающийся над жизнью, а не личность. Ницше полагал, что люди в древности ощущали себя более свободными, потому что их цели были близки и понятны. Современный же человек, напротив, постоянно «терзается бесконечностью». Истинный мир все больше утрачивал свою привлекательность, поскольку не спасал и не прибавлял ничего нового к картине мира позитивистской науки. Упразднение истинного мира и Бога должно, по Ницше, завершать историю самоотчуждения человека. Следствием смерти Бога философ считал обесценивание высших ценностей религии, морали, науки, искусства, социальной жизни людей, а главное потерю человеком себя, смысла своего существования.

Ответом на вопрос «чего в первую и последнюю очередь требует от себя философ?» было для Ницше требование преодолеть в себе свой век.

Проект новой парадигмы культуры

Как человеку классической европейской культуры вновь отыскать себя? Как перестать быть «человекоподобным агрегатом» (Ницше), т.е. ничем? Ницше отвечает любившейся ему самому заповедью дельфийского бога Аполлона: «Познай самого себя».

Чтобы узнать себя и исцелиться от недуга культуры современному человеку нужно оглянуться на собственную жизнь и ответить себе на вопросы: «Что ты до сих пор любил по-настоящему? Что притягивало твою душу, владело ею и в то же время благословляло ее?» Только искренность с самим собой может дать человеку фундаментальный закон его собственного, подлинного «я». Людям современной культуры следует, прежде всего, научиться обладанию собой, а для этого необходимо организовать в себе хаос путем возвращения к истинным потребностям. Человеческая личность должна сделаться вновь сильной, т.е. правдивой в отношении самой себя и в отношении других. А для этого надо обязательно переосмыслить угнетающие жизнь «высшие качества», для которых предполагается вземное происхождение, и освободиться от них посредством осознания их как трансформации качеств низших. Ницше убежден, что процесс «упорядочивания хаоса», в результате которого греки создали живую культуру, может работать и в каждой отдельной личности, будучи практикой «воли к власти» человека по отношению к самому себе. Для этого нужно освободиться от всего, что не родилось в собственной личности, перестать говорить с чужого голоса и строить жизнь по чужим образцам. Выше всего Ницше ценил свободу, непосредственность переживания, знание, каждый момент которого является личным открытием и изобретением. Преодолев неискренность и «неподлинность», культура перестанет быть простой декорацией жизни. Ницше мечтал о новой, «подлинной» культуре, единственным залогом и основой построения которой в будущем станет самобытная, самодовлеющая личность.

Цель человечества, по Ницше, не может состоять в его конце, она заключается в его высших образцах. Против наступающего нигилизма Ницше выдвинул «надисторический» идеал Сверхчеловека — человека, победившего в себе хаос. Создание сверхчеловека и является главной функцией культуры. Урок того, как следует создавать живую культуру, Ницше взял у древних греков. Прообразом человека будущего, перед которым современный человек культуры представлялся Ницше лишь лживой карикатурой, был Сатир — не испорченное иллюзиями культуры мифическое существо, черпающее мудрость из недр самой природы. «Хор Сатиров отражает существование полнее, правдивее, действительнее, нежели человек культуры, обыкновенно мнящий себя единственной реальностью в этом мире... Контраст между настоящей правдой природы и придающей себе вид единственной реальности ложью культуры напоминает контраст между

вечной сердцевиной вещей, вещью в себе и миром явлений в его совокупности, и подобно тому, как трагедия, метафизически утешая, указывает на вечную жизнь самой сердцевины существования, между тем как вечно гибнут явления, так и символика хора Сатиров: хор это притча, выражающая праисконное отношение между вещью в себе и явлением. А идиллический пастух современного человека — всего лишь портрет образовательных иллюзий, считающихся у него природой; дионисийский грек желает истины, желает природы в их высшей мощи, он зрит себя волшебным преображенным в Сатира»²².

Заочный диалог о значении культуры, Боге, смысле жизни и путях преодоления кризиса гуманизма, состоявшийся на страницах сочинений двух «добрых европейцев» Фридриха Ницше и Вячеслава Иванова, отражает оппозицию между устремлением к творческой свободе через ниспровержение кумиров и авторитетов (у Ницше) и оптимистическим принятием культурной традиции, опирающимся на христианскую веру (у Иванова).

Диагноз, поставленный Ницше своему времени: «...современный человек страдает ослаблением личности»²³, перекликается с вердиктом Вячеслава Иванова: «...существование в современной культуре возможно только через возврат к личности»²⁴. Однако пути к усилению и возвышению современного человека и личностного начала в культурной традиции виделись им разными.

Ницше был бунтовщиком культуры, отрицавшим существование абсолютных и объективных культурных ценностей, стремящимся вырваться из-под власти «вечных истин». Размышляя об историческом сознании, он называл знание прошлого главным бременем современного человека и призывал современников сбросить с плеч тяжесть истории, которая калечит и фальсифицирует жизнь, подменяя реальность гнетущим наследием давно и бесплодно ушедших времен.

Иванов, напротив, дорожил всемирной историей, считая, что история и память учат человечество обращать «средства вселенской разлуки» — пространство, время и материю — в средства единения и гармонии. Угнетающая человеческий дух память — всегда следствие ослабления религиозного чувства. Иванов был убежден в пагубности для культуры отрицания сверхприродной жизни. Лишь признание трансцендентного бытия источником свободы и творчества, полагал он, может быть благотворно как для отдельного человека, так и для культуры. Чтобы стать подлинно свободным, нужно отказаться от культуры во имя веры, и тем самым преодолеть в себе «теоретического» человека. Иванов верил в религиозный смысл культуры. А высший смысл истории для поэта был воплощен в божественной воле.

Отрицающий оптимизм, основанный на вере в исторический прогресс и антропологизм руссоистского типа, религиозный гуманист Иванов выбрал своим союзником нигилиста Ницше: «Большим благом явля-

ется непосредственная воля к жизни, готовность принять полностью существование, считать его даром желаннейшим и драгоценнейшим, благословлять его не только за радости, но и страдания, которые оно неизбежно приносит: это и есть та рыцарская, пусть слепая, но сыновья и героическая верность Матери Земле, какую хотел осуществить мученик трагического утверждения жизни, сирота безутешный, болезненно озлобленный потерей отца в небе – Фридрих Ницше. Ведь целостная жажда жизни сама по себе уже является, хоть и бес-сознательно, утверждением и прославлением бытия, а принцип бытия есть Бог»²⁵.

В стихии ницшеанско-дионисийского гения состязательности, в боге хаотического смещения и «ночной стороны души», боге восторженного исступления, крушащего границы между человеком и внешним миром, Вячеслав Иванов уловил возможность спасения от индивидуализма и рационализма европейской цивилизации, тяготящей душу современного человека мертвенностью отчужденных от «живой жизни» культурных форм. Вновь явленный Ницше миру дионисизм мог бы, по мысли Иванова, стать путем преодоления культурного кризиса, способствуя «рождению» из личного опыта человека опыта сверхличного.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ницше Ф.* Сумерки кумиров, или Как философствуют молотом // *Ницше Ф.* Собр. соч. В 4 т. – М., 2001. – С. 87.

² *Бердяев Н.* Смысл творчества // *Философия свободы. Смысл творчества.* – М., 1989. – С. 323.

³ Дионис (Бахус, Вакх) – в греческой мифологии сын Зевса и Семелы, бог плодородия сил земли, растительности, виноградарства и виноделия, Дионис для Ницше – главный символ мистерии человеческой жизни, исток культуры Древней Греции. Аполлон (Феб) – в греческой мифологии сын Зевса и Лето, бог-целитель и прорицатель, покровитель искусств.

⁴ *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. – М., 2001. – С. 65.

⁵ Там же. – С. 131.

⁶ Там же. – С. 133.

⁷ *Белый А.* Сирия ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). – Берлин: Скифы, 1922. – С. 9.

⁸ *Дешарт О.* Вступительная статья // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 1. – Brussels, 1971. – С. 16.

⁹ *Иванов В.* Ницше и Дионис // *Весы.* 1904. № 5. – С. 30.

¹⁰ *Иванов В.* Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 204.

¹¹ См.: О Дионисе орфическом // *Русская Мысль.* 1903. № 11; Эллинская религия страдающего бога // *Новый Путь.* 1904. № 1 – 3, 5, 7; Вагнер и Дионисово действо // *Весы.* 1905. № 2; О Дионисе и культуре // *Иванов В.* По звездам. – СПб., 1909; О существе трагедии // *Борозды и межи.* – М., 1916 и др.

¹² *Иванов В.* Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // *Иванов В.* Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 40.

- ¹³ Иванов В. Кризис индивидуализма // Иванов В. Родное и вселенское. – М., 1994. – С. 24.
- ¹⁴ Иванов В. Ницше и Дионис. – С. 33.
- ¹⁵ Иванов В. Кризис индивидуализма. – С. 22.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Иванов В. Ницше и Дионис. – С. 30.
- ¹⁹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Собр. соч. В 2 т. Т. 1. – М., 1990. – С. 181.
- ²⁰ Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов // Иванов В. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. – Брюссель, 1979. – С. 400.
- ²¹ См.: Иванов В. Письмо к Дю Босу // Иванов В. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. – С. 425.
- ²² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. – С. 103 – 104.
- ²³ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. – С. 186.
- ²⁴ Иванов В., Гершензон М. Переписка из двух углов. – С. 403.
- ²⁵ Иванов В. Размышления об установках современного духа // Иванов В. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. – С. 461.

Аннотация

В статье исследуется трактовка проблемы философии культуры в творчестве Вячеслава Иванова и Фридриха Ницше. Автор рассматривает их заочный диалог о значении культуры, о Боге, о смысле жизни и о путях преодоления кризиса гуманизма как отражение оппозиции между устремлением к творческой свободе через ниспровержение кумиров и авторитетов (у Ницше) и оптимистическим принятием культурной традиции, опирающимся на христианскую веру (у Иванова).

Ключевые слова: философия культуры, кризис, аполлинизм и дионисизм, сверхчеловек, русский религиозный ренессанс.

Summary

The paper investigates the problem of interpretation of the philosophy of culture in the works of Vyacheslav Ivanov and Friedrich Nietzsche. The author constructs a dialogue about the importance of culture, God, the meaning of life and ways of overcoming the crisis of humanism, which reflects the opposition between the aspiration to creative freedom through the overthrow of idols and authorities (Nietzsche) and optimistic adoption of a cultural tradition, based on the Christian faith (Ivanov).

Keywords: philosophy of culture, crisis, Apollo and Dionysus, overman, eternal recurrence, Russian religious Renaissance.